

МЕТОДИКИ СНИЖЕНИЯ (ЛИКВИДАЦИИ) КОРРУПЦИОГЕННОСТИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ*

Южаков В.Н., Цирин А.М.**

Аннотация

Коррупциогенность российских нормативных правовых актов (наличие в них «правовых» предпосылок коррупции – коррупциогенных факторов) в настоящее время общепризнанна. Так же общепризнанна необходимость ее снижения (ликвидации) и официальная методика, с помощью которой должна решаться эта задача.

В статье официальная методика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (АЭ НПА) проанализирована с позиций стартового потенциала АЭ НПА, ее стартовых идей и методик. Систематизированы те требования к технологии преодоления коррупциогенности НПА, которые были сформулированы в ходе экспертной подготовки и апробации методик преодоления коррупциогенности НПА, но не были учтены при подготовке действующей официальной методики АЭ НПА. Анализ приводит к выводу, что действующая методика АЭ НПА является методикой только первичной экспертизой коррупциогенности НПА. Для обеспечения результативности АЭ НПА действующая официальная методика должна быть дополнена: во-первых, инструментами преодоления коррупциогенности НПА в ее составе (не учитываемыми в настоящее время типами коррупциогенных факторов; признанием в качестве основания идентификации коррупциогенных факторов поддерживаемых ими коррупционных практик; требованиями коррекции норм, содержащих коррупциогенные факторы, обеспечивающей их ликвидацию); и, во-вторых, смежными технологиями (методиками) снижения (ликвидации) коррупциогенности НПА (в том числе специализированной (предметной) экспертизой НПА на коррупциогенность; анализом коррупционных практик в применении НПА).

Ключевые слова: нормативные правовые акты; лоббизм; коррупция; коррупциогенность; предпосылки коррупции; антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов.

* Статья подготовлена на основе результатов выполненной с участием авторов в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2013 г. научно-исследовательской работы на тему «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: становление, методика, опыт и перспективы» и публикуется в продолжение темы, начатой в нашем журнале в 2008–2009 гг.

** Южаков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, директор Центра технологий государственного управления ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: yuzhakov-vn@gane.ru

Цирин Артем Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий отделом Правовых проблем противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 117218, Россия, Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34. E-mail: artemtisirine@yandex.ru

Коррупциогенность российских нормативных правовых актов (наличие в них «правовых» предпосылок коррупции – коррупциогенных факторов), а также необходимость ее последовательного и системного преодоления (ликвидации или хотя бы снижения) были признаны как на экспертном уровне (Южаков, 2004, с. 63; Головщинский, 2004, с. 63; Россия и коррупция: кто кого?, 1998; Талапина, Южаков, 2007, с. 95; Тихомиров, 2004), так и на официальном¹ уже в начале 2000-х гг. Стало понятным, что корни коррупции не только в «плохом» правоприменении, но и в самих нормативных правовых актах (далее также – НПА), куда они проникают как из-за низкого качества нормотворчества, так и в результате коррупционного лоббизма – в виде правовых формул и дефектов, сознательно закладывающих основы коррупционных практик. При этом лоббистами могут быть как чиновники, так и представители бизнеса, заинтересованные в коррупционных сделках как в инструменте получения предпочтений. «Правовые» предпосылки коррупции создают саму возможность коррупционных практик, в том числе конкретных коррупционных схем, легитимизируют коррупционные практики, придавая им видимость законности, создают дополнительный соблазн безнаказанного извлечения коррупционной выгоды.

Позже, как известно, необходимость преодоления коррупциогенности российских НПА была признана и на законодательном уровне: Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и принятым в его исполнение Федеральным законом от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Принятым в исполнение последнего Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. N 96 была утверждена и действующая официальная методика решения этой задачи – методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов² (далее также – действующая методика АЭ НПА).

После принятия этих актов у многих специалистов закрепилось представление, что нормативно установленная на сегодня методика АЭ НПА являлась и является единственно возможной и исчерпывающей.

Данной статьей мы хотим обратить внимание на то, что при нормативном оформлении задачи преодоления коррупциогенности российских НПА был сделан выбор в пользу одной из известных на тот момент методик решения этой задачи. При этом – прежде всего в силу отсутствия публичного обсуждения этого выбора – открытыми оставались и остаются вопросы: с одной стороны, все ли необходимые для решения этой задачи технологии (методики) учтены, и, с другой – на сколько учтены требования самой выбранной методики? На наш взгляд, учет данного обстоятельства является важным для повышения результативности работы по преодолению коррупциогенности российских НПА.

Сравнительный анализ становления самой идеи и подходов к АЭ НПА, с одной стороны, и действующего правового регулирования и опыта

ее проведения – с другой, показывает, что дополнительно учтены должны быть, как минимум, следующие обстоятельства.

1. Как в России, так и в других странах предлагались (и реализуются) разные **подходы к определению роли нормативных правовых актов в противодействии коррупции**. От того, какие из них приоритетны и как именно они используются, зависят и требования к содержанию АЭ НПА.

Судя по международным антикоррупционным документам, первоначально законодательство в контексте борьбы с коррупцией рассматривалось только как ее инструмент.

Характерна постановка вопроса в Европейской конвенции «Об уголовной ответственности за коррупцию»: «Государства-члены Совета Европы... убеждены в необходимости проводить в первоочередном порядке общую уголовную политику, направленную на защиту общества от коррупции, включая принятие соответствующего законодательства и превентивных мер»³. В этой постановке вопроса законодательство рассматривается как инструмент противодействия коррупции. В соответствии с ней разрабатывалось и развивается специальное антикоррупционное законодательство, а также разрабатываются и включаются в НПА направленные на предотвращение коррупции в регулируемой сфере деятельности превентивные нормы (например, нормы, обеспечивающие открытость, прозрачность в регулируемой сфере деятельности). Тем самым акцент делается на возможности использования **позитивной роли** НПА в антикоррупционной политике.

Эта роль НПА в антикоррупционной политике учтена в России принятием специального законодательства о противодействии коррупции (в том числе и по АЭ НПА), включающего также в общей форме и превентивные нормы противодействия коррупции (об открытости, ответственности, контроле...), к которым относится и сама АЭ НПА.

При разработке методик преодоления коррупциогенности в понимании роли НПА в антикоррупционной политике внимание обращается на обратную сторону медали: на значимую для России возможность **негативной роли** НПА в качестве «правовой основы» коррупции.

Признание возможности такой негативной роли НПА на высоком международном уровне было сделано в 2003 г. – в принятой Генеральной ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. Конвенции Организации Объединенных Наций; пункт 3 ст. 5 требует: «Каждое Государство-участник стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней»⁴. Данная формулировка не только допускает неадекватность правовых документов с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней, но и требует с учетом этого периодически проводить их оценку. Фактически тем самым признается, что правовые акты могут выступать в каком-то смысле «правовой базой» коррупции, создавать и поддерживать коррупционные риски.

В России это требование Конвенции ООН было воспринято и как основание для разработки, а затем и принятия такой технологии повышения

адекватности правовых документов «с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней», как АЭ НПА, которая призвана снизить и по возможности **ликвидировать негативную роль НПА**, связанную с появлением в них «правовых» предпосылок коррупции.

Можно было бы констатировать, что в России позитивная роль НПА в антикоррупционной политике учитывается и реализуется в специальном антикоррупционном законодательстве (и реализующих его подзаконных НПА), включающем в том числе и нормы превентивного характера, а возможность негативной роли НПА учитывается и нейтрализуется благодаря АЭ НПА. Что, на наш взгляд, правильно.

Однако при этом надо учитывать, что разработка и утверждение в НПА превентивных норм противодействия коррупции предполагает их включение в систему НПА, регулирующих каждую сферу деятельности. Например, требование открытости, прозрачности деятельности должно быть сформулировано не только в качестве универсального принципа, но и в качестве конкретных норм, обеспечивающих его реализацию в каждой из регулируемых сфер деятельности. Это означает, что отсутствие, по крайней мере, ключевых превентивных мер в системе НПА, регулирующих соответствующую сферу деятельности, само является негативным (коррупциогенным) фактором и должно быть отнесено к «правовым» предпосылкам коррупции.

Этот вывод был сделан по итогам дискуссии с экспертами Совета Европы, участвовавшими по приглашению российской стороны в обсуждении еще в 2006 г. экспертной методики АЭ НПА (на тот момент – методики анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА). Эксперты Совета Европы обосновывали правильность европейской практики, в которой роль законодательства в антикоррупционной политике состоит прежде всего именно в разработке и принятии превентивных антикоррупционных норм. Соглашаясь, что это должно стать приоритетом позитивного использования НПА в противодействии коррупции и быть включено в качестве обязательных требований в НПА по разработке нормативных правовых актов, разработчики российской методики анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА предложили в качестве промежуточного решения (в отсутствие указанного НПА о принятии нормативных правовых актов) рассматривать отсутствие ключевых превентивных мер в системе НПА регулирующих соответствующую сферу деятельности, как «правовую» предпосылку коррупции – в качестве коррупциогенных факторов. В результате этого в перечень типичных коррупциогенных факторов, подлежащих выявлению и устранению в ходе анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА, были включены: «нарушение режима прозрачности информации», «отсутствие контроля, в том числе общественного, за государственными (муниципальными) органами и государственными (муниципальными) служащими», «отсутствие ответственности государственного (муниципального) служащего за правонарушения» (Талапина, Южаков, 2007, с. 56–60).

В действующей методике АЭ НПА необходимость выявления и устранения данных коррупциогенных факторов не учтена. На наш взгляд,

их включение в число подлежащих выявлению и устранению коррупциогенных факторов необходимо прежде всего, для того, чтобы (повторимся) в отсутствие НПА о разработке и принятии нормативных правовых актов обеспечить разработку и принятие превентивных норм противодействия коррупции не только в виде норм специального законодательства о противодействии коррупции, но и в системе НПА для каждой регулируемой сферы деятельности.

2. В поиске технологий собственно преодоления коррупциогенности НПА предлагались различные подходы к решению этой задачи. Сопоставление с ними необходимо для понимания и учета не формальной, а содержательной основы действующей методики АЭ НПА, ее применения.

Первые подходы к поиску таких технологий отличались тем, что в них не ставилась задача выявления конкретных, заранее предполагаемых предпосылок коррупции. Речь, скорее, шла о выявлении и устранении «всего плохого» в НПА, что может быть использовано в коррупционных целях, или неограниченного круга норм, которые могут быть использованы в этих целях.

Так, в исследованиях в этом направлении, проводившихся в фонде ИНДЕМ уже с конца 1990-х гг., первоначально, в том числе в докладе Фонда ИНДЕМ «Коррупция в России: кто кого?», среди прочих прямых антикоррупционных мер составители упомянули совершенствование законодательства, которое должно осуществляться по следующим направлениям: распутывание противоречий и прояснение туманностей в действующем законодательстве, поскольку все это создает возможность для чиновничьего произвола и коррупции; «закрытие» многочисленных отсылочных норм в действующих законах⁵. Похожим, на наш взгляд, был и анализ избранных правовых норм, содействующих появлению коррупции, проведенный в 2001 г. в Польше М. Ясиновской и К. Курпиш (Тихомиров, Спектор, 2012, с. 34–36). Уже в 2006 г., на международной конференции «Антикоррупционная экспертиза: международный опыт и механизмы ее проведения в Республике Казахстан» М.В. Сандрачук сообщил о подходе к проведению антикоррупционной экспертизы, основанном на сравнении разрабатываемого проекта НПА с его аналогом – нормативным правовым актом, действующим в странах, имеющих низкий индекс восприятия коррупции. Сопоставление их норм по предложенной автором технологии должно предупредить появление в разрабатываемом акте возможных коррупционных «мин» (Сандрачук, 2006, с. 31).

Логически следующим шагом в развитии технологий преодоления коррупциогенности НПА стало признание того, что для успешного решения этой задачи (особенно в больших масштабах) необходимо уже до проведения АЭ НПА знать, что именно, какие именно «правовые» предпосылки коррупции надо искать и устранять.

Так, в выполненной в 2001 г. по инициативе и под руководством Г.А. Сатарова и М.А. Краснова (на факультете государственного управления МГУ) работе К.И. Головщинского на тему «Коррупциогенность правовых норм» впервые применительно к нормам права было дано определение понятия

«коррупциогенный фактор» (этот термин было предложено использовать для обозначения «несовершенства норм права, повышающих вероятность коррупции»). При этом автором для данных целей был использован термин «коррупциогенный фактор», предложенный С.В. Максимовым, определившим его в более широком контексте как «явление или группа явлений (факторный комплекс), порождающих или способствующих порождению или росту коррупции» (Максимов, 2000, с. 53). Автором была обоснована необходимость выявления и устранения в НПА таких коррупциогенных факторов, как «завышенные требования нормы права», «дискреционные полномочия», «отсылочные нормы», «конфликт интересов».

Этот шаг был дополнен определением основания признания «несовершенств норм права» коррупциогенным фактором, т.е. наличием дефектов норм и правовых формул, которые могут способствовать проявлениям коррупции. Обязательным основанием признания «несовершенства НПА» (правовой формулы или дефекта нормы) коррупциогенным фактором является «наличие или возможность появления использующих его коррупционных практик» (Талапина, Южаков, 2007, с. 24). Достаточным подтверждением возможности появления использующих правовую формулу или дефект нормы коррупционных практик является моделирование основанных на них коррупционных практик. Из такого понимания оснований признания правовой формулы или дефекта нормы коррупциогенным фактором следует и то, что любое «несовершенство НПА» (правовая формула или дефект нормы) должно признаваться коррупциогенным фактором, подлежащим обязательному выявлению и устранению, если выявлено наличие использующих их коррупционных практик или возможности таких коррупционных практик.

Напомним, что в экспертной методике первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА по этому основанию были выделены 22 типа подлежащих выявлению и устранению коррупциогенных фактора. При этом их формальные определения были даны каждому из них только как формальный инструмент для их обнаружения, отражающий, что это основание было ранее обнаружено и доказано.

В действующую официальную методику АЭ НПА содержательное основание выделения коррупциогенного фактора не вошло. В ней типы коррупциогенных факторов определяются уже только по формальным признакам. Соответственно, эксперт или иное лицо, проводящее АЭ НПА, относит или не относит правовую формулу или дефект нормы к коррупциогенным факторам, только соотнося ее с этими признаками. При этом чаще всего спорные ситуации в конечной инстанции решаются в пользу непризнания правовой формулы или дефекта нормы коррупциогенным фактором. Рассмотрение того, способствуют ли эти спорные правовые формулы или дефекты норм конкретным коррупционным практикам, не предусматривается.

На наш взгляд, для обеспечения результативности АЭ НПА в методике АЭ НПА должно быть дано содержательное основание признания правовой формулы или дефекта нормы коррупциогенным фактором –

наличие или возможность моделирования основанных на ней коррупционных практик, и в спорных случаях конечным аргументом признания правовой формулы или дефекта нормы коррупционным фактором также должно признаваться не формальное соответствие определению типа коррупционного фактора, а наличие или возможность моделирования основанных на ней коррупционных практик. Если такая связь прослеживается – т.е. исследуемые дефекты норм или правовые формулы могут быть использованы для конкретных коррупционных практик, – они должны признаваться коррупционными факторами и устраняться.

Этот вывод относится и в целом к включаемому в методику преодоления коррупционности НПА перечню подлежащих выявлению коррупционных факторов. В действующей официальной методике таковыми признаны только 11 из 22 известных типов коррупционных факторов, включенных в экспертную методику первичного анализа экспертизы коррупционности НПА (Талапина, Южаков, 2007, с. 36–76). Остальные 11 типов коррупционных факторов в методику не включены, несмотря на то что ранее при их выделении было показано, что они могут быть использованы в коррупционных целях для формирования соответствующих коррупционных практик. На наш взгляд, их исключение из числа подлежащих выявлению и устранению типов коррупционных факторов будет обоснованным только в том случае, если будут опровергнуты аргументы о возможном их использовании для формирования и поддержки коррупционных практик. В противном случае эти типы коррупционных факторов также должны быть включены в методику АЭ НПА как подлежащие выявлению и устранению. Отказ от их выявления и устранения равнозначен примирению с поддерживаемыми ими коррупционными практиками.

Это относится и к нетипичным, и к уникальным коррупционным факторам. Последние сложнее выявлять, нет устоявшегося опыта их выявления, нет формализованных признаков, облегчающих их выявление. Но уникальные коррупционные схемы, особенно целенаправленно создаваемые, могут быть уникальными и по объему создаваемых ими коррупционных рынков. Нет никаких оснований оставлять их вне поля зрения АЭ НПА. В силу этого методика АЭ НПА должна устанавливать необходимость выявления не только типичных, получивших в ней формализованное определение коррупционных факторов, но и иных коррупционных факторов – любых правовых формул или дефектов норм, которые могут способствовать конкретным коррупционным практикам.

С учетом этого, на наш взгляд, в действующей методике АЭ НПА должен быть расширен перечень типов коррупционных факторов, подлежащих выявлению и устранению. Он должен быть дополнен не включенными в него 11 типами коррупционных факторов (включая указанные выше, в п. 1), а также строкой «иные коррупционные факторы». Эта строка, с одной стороны, предполагает возможность выявления неизвестных на сегодня типов коррупционных факторов, а с другой – ориентирует на необходимость выявления и устранения не только типичных, но и не-

типичных и даже уникальных коррупциогенных факторов. Результатом АЭ НПА должно быть устранение *любых* коррупциогенных факторов, поддерживающих как типичные, так и уникальные коррупционные практики и рынки.

3. В дополнение к этому следует отметить, что на старте разработки технологии преодоления коррупциогенности НПА была обсуждена проблема оценки коррупционных рисков, создаваемых исследуемыми коррупциогенными факторами (Головщинский, 2004, с. 40–41), сформулирована позиция, что выявленные коррупциогенные факторы должны быть оценены экспертами, должна быть определена степень их коррупциогенности (например, по шкале «высокая», «средняя», «низкая»). В зависимости от этой оценки экспертом могут быть предложены рекомендации о том, насколько настоятельной является необходимость их устранения.

Практика проведения АЭ НПА показала, что такой подход, с одной стороны, неоперационален, труднореализуем, а с другой – не обосновывает, почему в НПА должны оставаться коррупциогенные факторы, пусть и не слишком (по прогнозам эксперта) опасные. В экспертной практике проведения АЭ НПА де-факто стал преобладать уже упомянутый выше подход, предписывающий устранять все выявленные коррупциогенные факторы (Талапина, Южаков, 2007, с. 25). Однако в действующей методике АЭ НПА этот вопрос напрямую не урегулирован, что оставляет возможность сохранения в НПА выявленных коррупциогенных факторов. На наш взгляд, в действующую методику АЭ НПА должно быть включено требование по подготовке (в заключении по результатам АЭ НПА) и принятию решений по коррекции исследуемой нормы, обеспечивающей устранение выявленного коррупциогенного фактора.

4. Экспертная методика преодоления коррупциогенности НПА, на основе которой была подготовлена действующая официальная методика АЭ НПА, разрабатывалась и применялась как методика только **первичного** анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА и их проектов (там же, с. 20). Она была ориентирована на выявление и устранение только типичных коррупциогенных факторов, наиболее часто встречающихся в НПА, «независимо от предмета их регулирования, и, безусловно, или с высокой степенью вероятности способствующие проявлениям коррупции» (там же, с. 24). При этом экспертная методика первичного анализа (экспертизы) разрабатывалась, исходя из того, что она должна быть дополнена методиками: а) специализированной (предметной) экспертизы (анализа) НПА на коррупциогенность; б) анализа коррупционных практик в применении НПА (там же, с. 23). Как показал последующий анализ опыта проведения АЭ НПА, последняя методика должна быть сориентирована, в том числе, на анализ коррупционных практик с целью выявления коррупциогенных факторов судами.

Действующая официальная методика АЭ НПА, в отличие от экспертной методики, предлагает (с указанными ранее ограничениями) технологию только **первичного** анализа (экспертизы) НПА. Необходимость разработки «смежных» технологий (методик) преодоления коррупциоген-

ности НПА в ней не учитывается. На наш взгляд, для обеспечения проведения системной АЭ НПА (обеспечивающей выявление и устранение всех коррупциогенных факторов) необходимо разработать «смежные», дополнительные к первичному анализу (экспертизе) технологии преодоления коррупциогенности НПА и утвердить их, либо дополнив действующую методику АЭ НПА, либо в качестве самостоятельных методик.

5. Преодоление коррупциогенности всего массива данных НПА в каждой сфере правового регулирования предполагает целенаправленные усилия по выявлению и устранению коррупциогенных факторов на всех стадиях правотворческого процесса и применения НПА. Экспертные методики преодоления коррупциогенности НПА были адресованы как экспертам, исследующим подготовленные проекты НПА или НПА (вновь или ранее принятые), так и специалистам, непосредственно разрабатывающим нормы проекта НПА. Действующая методика АЭ НПА адресована только экспертам (функции которых фактически также призваны выполнять и прокуроры).

На наш взгляд, преодоление коррупциогенности всего массива российских НПА зависит от того, насколько на предотвращение появления в проектах НПА коррупциогенных факторов будут нацелены и непосредственные разработчики их норм. Они должны быть обязаны проводить анализ разрабатываемых ими норм на предмет их коррупциогенности и не допускать появления в них коррупциогенных факторов. Для этого (помимо организационных мер) и методика АЭ НПА должна быть определена как методика не только экспертизы, но и анализа коррупциогенности НПА и их проектов.

6. Надо учитывать, что и экспертиза, и анализ коррупциогенности НПА – это исследовательский процесс, подчиняющийся определенным правилам, обеспечивающим его результативность. В экспертных методиках такие правила были предложены, в частности внутренние правила проведения анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА (Талапина, Южаков, 2007, с. 31–35). Важно, что это не правила организации АЭ НПА, а внутренние правила для эксперта, специалиста, проводящего исследование НПА на коррупциогенность, – это правила исследования, призванные обеспечить его объективность, достоверность, системность и проверяемость его результатов, а значит в целом эффективность АЭ НПА. Приведем некоторые из них.

1. Первичный анализ (экспертиза) коррупциогенности каждой нормы НПА и изложение его результатов необходимо проводить единообразно – в составе и последовательности типичных коррупциогенных факторов, предложенной в Таблице типичных коррупциогенных факторов (прилагается к методике).

Соблюдение этого правила позволяет обеспечить системность (полноту) анализа и возможность проверки полноты и достоверности результатов первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА, поскольку позволяет сравнивать их с результатами, полученными другими специалистами и экспертами.

2. Каждая норма НПА должна быть проверена на наличие каждого типичного коррупционного фактора.

Для соблюдения этого правила при проведении первичного анализа (экспертизы) коррупционности полезно в отношении каждой нормы отмечать (в последовательности, предусмотренной Таблицей типичных коррупционных факторов) все выявленные в данной норме типичные коррупционные факторы.

3. Каждый типичный коррупционный фактор должен быть проверен на его присутствие в каждой норме НПА.

Соблюдение этого правила позволяет: прежде всего, проверить в порядке самоконтроля результаты предыдущих операций; обеспечить возможность последующей проверки полноты и достоверности проведенного первичного анализа.

4. Типичные коррупционные факторы выявляются независимо от того, включены ли они в НПА умышленно или непреднамеренно.

Выявление коррупционных факторов не должно содержать оценки преднамеренности/непреднамеренности их включения в нормативный правовой акт.

5. Типичный коррупционный фактор необходимо увязать с основанными на нем или возможными благодаря ему, коррупционными практиками.

Эти последствия указаны в описании типичных коррупционных факторов и в рассматриваемой экспертной методике первичного анализа (экспертизы) коррупционности АЭ НПА. Они же, как минимум, должны быть отмечены при указании на наличие коррупционного фактора в заключении по результатам АЭ НПА.

Первичный анализ (экспертиза) коррупционности НПА не предполагает обязательной оценки объема коррупционных последствий выявленных коррупционных факторов и описания конкретных, основанных на них коррупционных практик. Такая работа может выполняться, если первичный анализ (экспертиза) коррупционности НПА осуществляется совместно с анализом существующих коррупционных практик. Совместное проведение этих двух видов антикоррупционной экспертизы НПА может быть обязательным, например, если эта экспертиза проводится в отношении базовых для той или иной сферы правового регулирования законов с целью изменения их редакции или замены.

6. Эксперт (специалист) в ходе экспертизы (анализа) и при подготовке заключения (вывода) по ее (его) результатам должен избегать перехода от первичной экспертизы (анализа) коррупционности НПА к вопросам общей правовой экспертизы, обсуждению иных проблем качества и целесообразности принятия НПА или отдельных его норм.

На наш взгляд, эти внутренние правила (как и остальные) по-прежнему актуальны и могут быть использованы для повышения эффективности АЭ НПА.

В действующей методике АЭ НПА к внутренним правилам, на наш взгляд, относится только норма ч. 2 методики: «Для обеспечения обоснован-

ности, объективности и проверяемости результатов антикоррупционной экспертизы необходимо проводить экспертизу каждой нормы нормативного правового акта или положения проекта нормативного правового акта»⁶.

Фактически этой нормой устанавливается одно требование к исследовательской деятельности в рамках АЭ НПА: должна быть проведена АЭ НПА каждой нормы НПА (проекта НПА). Это, как минимум, означает, что исследователь (специалист, эксперт) не имеет права ограничиваться определением коррупциогенности НПА (проекта НПА) в целом (такой подход тоже возможен) или нескольких его норм по усмотрению эксперта (специалиста). Тем более исследователь не имеет права оценивать НПА (проект НПА) «по диагонали» – такое тоже бывает.

Эта норма действующей методики АЭ НПА, очевидно, поддерживает соответствующее внутреннее правило АЭ НПА, сформулированное, как было сказано выше, в экспертной методике первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА. Однако нельзя не обратить внимание на то, что из этого правила экспертной методики в действующую методику АЭ НПА включена только его первая половина и не включена вторая: «на наличие каждого типичного коррупциогенного фактора».

Означает ли отказ от второй части этого правила, что каждую норму можно проверять избирательно (по усмотрению эксперта (специалиста)) на наличие только некоторых из типичных коррупциогенных факторов? Например, тех, которые легче обнаружить. В ситуации, когда АЭ НПА прямо включены в правовую экспертизу, это могут быть те коррупционные факторы, которые раньше и так выявлялись как признаки некачественных НПА, в рамках традиционной, привычной эксперту правовой экспертизы. Трудно сказать, был ли такой замысел, поскольку публичного обоснования такого сокращения представлено не было. Но можно достаточно уверенно утверждать, что такое сокращение указанного правила явно не способствует эффективности АЭ НПА. Эксперт (специалист), научившийся уверенно выявлять только один (или несколько) из типичных коррупциогенных факторов, но рассматривающий на его наличие каждую норму НПА, будет признан соблюдающим это правило.

На наш взгляд, внутренние правила экспертизы (анализа) коррупциогенности НПА в большей мере должны быть учтены в действующей методике АЭ НПА. Как минимум в его полном формате необходимо установить правило «Каждая норма НПА должна быть проверена на наличие каждого типичного коррупционного фактора» и дополнить его правилом «Каждый типичный коррупционный фактор должен быть проверен на его присутствие в каждой норме НПА».

В заключение обратим внимание на то, что после принятия Правительством Российской Федерации действующей официальной методики АЭ НПА вопросы конкретизации методики, ее адаптации к отдельным задачам АЭ НПА рассматривались в нескольких методических рекомендациях по проведению АЭ НПА.

Одни из них (например, Методические рекомендации «Организация в федеральных органах исполнительной власти антикоррупционной

экспертизы нормативных правовых актов и их проектов», одобренные Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (протокол от 25 сентября 2012 г. N 34)⁷) лишь подтверждают необходимость следования положениям действующей официальной методики АЭ НПА и посвящены в основном вопросам организации проведения АЭ НПА. Другие (например, методические рекомендации по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных НПА, предложенные в работе «Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных актов: научно-практическое пособие» (Тихомиров, Спектор, 2012, с. 138–148)) направлены на совершенствование практики применения действующей методики АЭ НПА и предлагают фактически учесть отдельные, не учтенные в действующей методике АЭ НПА, ранее сформулированные и апробированные, требования к технологиям преодоления коррупциогенности НПА (в приведенном случае прежде всего в части внутренних правил проведения АЭ НПА).

В настоящей статье мы попытались систематизировать те требования к технологии преодоления коррупциогенности НПА, которые были сформулированы в ходе экспертной подготовки и апробации методик преодоления коррупциогенности НПА, но не были учтены – без публичного обсуждения и аргументации – при подготовке окончательной версии действующей официальной методики АЭ НПА.

Резюмируя, можно сказать, что в целях повышения результативности и эффективности АЭ НПА для учета этих требований в действующую методику АЭ НПА целесообразно внести следующие изменения и дополнения.

Во-первых, в перечень типичных коррупциогенных факторов, подлежащих выявлению и устранению в ходе анализа (экспертизы) коррупциогенности НПА, необходимо включить коррупциогенные факторы, связанные с отсутствием в системах НПА, регулирующих соответствующие сферы деятельности, превентивных норм противодействия коррупции: «нарушение режима прозрачности информации», «отсутствие контроля, в том числе общественного, за государственными (муниципальными) органами и государственными (муниципальными) служащими», «отсутствие ответственности государственного (муниципального) служащего за правонарушения».

Во-вторых, в методике АЭ НПА должно быть дано содержательное основание признания правовой формулы или дефекта нормы коррупциогенным фактором – наличие или возможность моделирования основанных на ней коррупционных практик. В спорных случаях конечным аргументом признания правовой формулы или дефекта нормы коррупциогенным фактором должно признаваться не формальное соответствие определению типа коррупциогенного фактора, а наличие или возможность моделирования основанных на ней коррупционных практик. В любом случае, если такая связь прослеживается, т.е. исследуемые дефекты норм или правовые формулы могут быть использованы для конкретных коррупционных практик они должны признаваться коррупциогенными факторами и устраняться.

В-третьих, необходимо расширить установленный действующей официальной методикой АЭ НПА перечень подлежащих выявлению и устранению типов коррупционных факторов. Он должен быть дополнен не включенными в него 11 типами коррупционных факторов (включая указанные выше типы коррупционных факторов, связанные с отсутствием в НПА ключевых превентивных антикоррупционных норм), а также строкой «иные коррупционные факторы».

В-четвертых, в действующую методику АЭ НПА должно быть включено требование по подготовке (в заключении по результатам АЭ НПА) и принятию решений по коррекции исследуемой нормы, обеспечивающей устранение выявленного коррупционного фактора.

В-пятых, повышение результативности действующей методики АЭ НПА предполагает разработку (наряду с реализуемой в ней технологией первичной экспертизы (анализа) коррупционности НПА) «смежных» технологий (методик) преодоления коррупционности НПА: а) специализированной (предметной) экспертизы (анализа) НПА на коррупционность; б) анализа коррупционных практик в применении НПА, в том числе в судебной практике.

В-шестых, действующая методика АЭ НПА должна быть определена как методика не только экспертизы, но и анализа коррупционности проектов НПА (с одновременным подкреплением этого организационными мерами), в том числе обязанностью непосредственных разработчиков предотвращать появление в разрабатываемых ими нормах коррупционных факторов.

Предлагаемые изменения и дополнения действующей официальной методики АЭ НПА должны быть также дополнены обеспечивающими их реализацию нормами по совершенствованию организации проведения АЭ НПА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ коррупционности законодательства: Памятка эксперту по первичному анализу коррупционности законодательного акта // М.А. Краснов, Э.В. Талапина, Ю.А. Тихомиров, В.Н. Южаков / под ред. В.Н. Южакова. – М.: Статут, 2004. – С. 63.
2. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных актов: научно-практическое пособие // отв. ред. Тихомиров Ю.А., Спектор Е.И. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Анкил, 2012. – С. 152.
3. Антикоррупционная экспертиза: международный опыт и механизмы ее проведения в Республике Казахстан // Сборник материалов международной научно-практической конференции (Астана, 27 октября 2006 г.). – Астана, 2006. – С. 347.
4. Астанин В.В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. – М.: РПА Минюста России, 2011. – С. 60.
5. Барциц И.Н. Антикоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) / И.Н. Барциц // Государство и право. – 2010. – № 9. – С. 16–25.
6. Головщинский К.И. Диагностика коррупционности законодательства. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – С. 63.
7. Захарова В.И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительный анализ. – Смоленск: Изд-во «Смоленская городская типография», 2012. – С. 246.
8. Избачков Ю.С. Новая методика проведения антикоррупционной экспертизы // Право и экономика. – 2010. – № 9. – С. 10–14.
9. Ковалевский В.И. Перспективы совершенствования методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / В.И. Ковалевский // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 30–32.
10. Кочура В.Н. Антикоррупционная экспертиза: методика проведения // Журнал российского права. – 2012. – № 9. – С. 65–70.
11. Краснов М.А., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Коррупция и законодательство: анализ законодательства на коррупционность // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 77–88.
12. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. – М.: Норма, Инфра-М. 2012. – 368 с.
13. Методические рекомендации по организации органами прокуратуры проверок нормативных правовых актов органов государственной власти и местного

- самоуправления и органов местного самоуправления на коррупциогенность // Кудашкин А.В. и др. / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2010. – С. 40.
14. Россия и коррупция: кто кого? // Аналитический доклад Фонда ИНДЕМ. – М.: «ИНДЕМ». – 1998.
  15. Сандрачук М.В. Экономическая безопасность государства: теоретико-методологические аспекты антикоррупционной экспертизы нормативно-правовой базы и методическое обеспечение ее проведения. Проблемы, анализ, решения // Антикоррупционная экспертиза: международный опыт и механизмы ее проведения в Республике Казахстан: Сборник материалов международной научно-практической конференции 27 октября 2006 года. – Астана: ТОО «Институт законодательства Республики Казахстан», 2006. – С. 31–54.
  16. Талапина Э.В., Южаков В.Н. Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов // под ред. В.Н. Южакова. – М.: Центр стратегических разработок; Статут. – 2007. – С. 95.
  17. Талапина Э.В. Об антикоррупционной экспертизе // Журнал российского права. – 2007. – № 5. – С. 52–66.
  18. Тихомиров Ю. Преодолевать коррупциогенность законодательства // Право и экономика. – 2004. – № 5.
  19. Тихомиров Ю.А., Хабриева Т.Я., Найденко В.Н. Правовые акты: антикоррупционный анализ. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – С. 176.
  20. Цирин А.М. Методическая база оценки нормативных правовых актов на коррупциогенность // Журнал российского права. – 2009. – № 10.
  21. Цирин А.М. Антикоррупционная экспертиза ведомственных нормативных правовых актов и их проектов // Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти. Научно-практическое пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Изд-во «Анкид», 2012. – 184 с.
  22. Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения: сборник статей // под общ. ред. О.С. Капинус и А.В. Кудашкина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2010. – С. 388.
  23. Южаков В.Н. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: методика, опыт и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 2.
  24. Южаков В.Н. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: оценка регулирующего воздействия // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2009. – № 3.
  25. Южаков В.Н. Системность проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Правовые инновации в сфе-

- ре противодействия коррупции: материалы Первого евразийского антикоррупционного форума и 7-й Международной Школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва, 30–31 мая 2012 г. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – С. 115–117.
26. Южаков В.Н., Бошно С.В., Ефремов А.А., Цирин А.М. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: становление, опыт, перспективы // под ред. Южакова В.Н. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 144 с.
27. Южаков В.Н., Цирин А.М., Ефремов А.А. Методика мониторинга внедрения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в практику нормотворческой деятельности / В.Н. Южаков, А.М. Цирин, А.А. Ефремов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 204 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Корни коррупции подпитываются некачественным законодательством». Необходимо «наладить постоянную и системную антикоррупционную экспертизу законодательства» // Выступление Президента Российской Федерации Путина В.В. на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией 12 января 2004 г. // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/01/58986.shtml>
- ² Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».
- ³ Европейская конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Страсбург, 27 января 1999 г.) // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сборник документов. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 297.
- ⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, с. 50.
- ⁵ <http://www.indem.ru/corrupt/whoww/index.htm>
- ⁶ Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Ч. 2.
- ⁷ Опубликованы, например, на сайте ФАС России.

ELIMINATION METHODS OF LEGISLATIVE ACTS CORRUPTOGENICITY

Yuzhakov Vladimir N.

Professor, Senior Researcher, Director of the Center for Technology of Public Administration of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Address: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
82 Vernadsky Av., 119571 Moscow, Russian Federation. E-mail: yuzhakov-vn@rane.ru

Tsirin Artem M.

PhD, Head of the department of legal problems of combating corruption of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF. 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., 117218 Moscow, Russian Federation.
E-mail: artemtsirine@yandex.ru

Abstract

Corruptogenicity of legal acts in Russia (the presence of “legal” prerequisites for corruption in them, i.e. corruptogenic factors, is broadly recognized at present as well as the necessity to illuminate it by the official method.

The article analyses the official methods of anticorruption expertise of legal acts and their draft regulations (AE LADR) from the position of the start potential of AE LADR, its start ideas and methods. Those requirements and technologies of overcoming corruptogenicity of LADR that were formulated in the course of expert preparation and approbation of the LADR corruptogenicity overcoming methods but not taken into account while working at the current official method of AE LADR have been systematized. The analysis draws a conclusion that the current AE LADR methods are only methods of a primary expertise of LADR corruptogenicity. To achieve efficiency of AE LADR, the current official methods must be amended: first, by the instruments for overcoming LADR corruptogenicity existing in its composition (but at present ignored by the types of LADR corruptogenicity factors; by the admittance of corruption practices as the reason for identifying corruptogenic factors which support the practices; by the requirements to correct the norms containing corruptogenic factors with the aim of eliminating them); second, with overlapping technologies (methods) to eliminate corruptogenicity of LADR (including a specialized subject expertise of LADR to reveal corruptogenicity; by the analysis of the corruption practices as applied to LADR).

Keywords: normative legal acts; lobbying; corruption; corruption potential; corruptogenicity; anti-corruption expertise of normative legal acts.

Citation: Yuzhakov, V.N. & Tsirin, A.M. (2014). Metodiki snizheniya (likvidatsii) korruptsiogennosti normativnyh pravovyh aktov [Elimination methods of legislative acts corruptogenicity]. Public Administration Issues, n. 4, pp. 7–26 (in Russian).

REFERENCES

1. Yuzhakov, V.N. (Ed.) (2004). *Analiz korruptsiogennosti zakonodatel'stva: Pamiatka ekspertu po pervichnomu analizu korruptsiogennosti zakonodatel'nogo akta* [Analysis of corruptogenicity of legislation: Instruction for the expert on the primary analysis of the corruptogenicity of legislation]. Moscow: Statut.

2. Tihomirov, Yu.A. & Spektor, E.I. (Eds) (2012). *Antikorrupsionnaya ekspertiza proektov normativnyh aktov: nauchno-prakticheskoe posobie* [Anti-corruption expertise of draft regulations: a scientific and practical manual]. Moscow: Institut zakonodatel'stva I sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoi Federatsii; Ankil.
3. *Antikorrupsionnaya ekspertiza: mezhdunarodnyi opyt I mekhanizmy ee provedeniya v Respublike Kazahstan. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Astana, October 27, 2006)* [Anti-corruption expertise: international experience and mechanisms of its implementation in the Republic of Kazakhstan. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Astana, October 27, 2006)]. Astana, 2006.
4. Astanin, V.V. (2011). *Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov* [Anti-corruption expertise of legal acts and draft regulations]. Moscow: RPA Minyusta Rossii.
5. Bartsits, I.N. (2010). Antikorrupsionnaya ekspertiza v sisteme effektivnogo pravotvorchestva (K razrabotke metodiki provedeniya antikorrupsionnoi ekspertizy) [Anti-corruption expertise in the effective law-making (in the development of the methodology for conducting anti-corruption expertise)]. *Gosudarstvo i pravo*, n. 9, pp. 16–25.
6. Golovshchinsky, K.I. (2004). *Diagnostika korruptsiogenosti zakonodatel'stva* [Diagnosis of corruptogenicity of legislation]. Moscow: Fond INDEM.
7. Zaharova, V.I. (2012). *Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov v Rossiyskoi Federatsii i zarubezhnyh stranah: sravnitel'nyi analiz* [Anti-corruption expertise of legal acts and its draft regulations in the Russian Federation and foreign countries: a comparative analysis]. Smolensk: Izd-vo «Smolenskaya gorodskaya tipografiya».
8. Izbachkov, Yu.S. (2010). Novaya metodika provedeniya antikorrupsionnoi ekspertizy [A new procedure of anti-corruption expertise]. *Pravo i ekonomika*, n. 9, pp. 10–14.
9. Kapinus, O.S & Kudashkin, A.V. (Eds) (2010). *Ekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov na predmet korruptsiogenosti: sodержanie, znachenie, metodika provedeniya: sbornik statei* [Examination of legal acts and its draft regulations for revealing corruptogenicity: content, value, procedure: a collection of articles]. Moscow: Akademiya General'noi prokuratury Rossiyskoi Federatsii.
10. Kovalevsky, V.I. (2011). Perspektivy sovershenstvovaniya metodiki provedeniya antikorrupsionnoi ekspertizy normativnyh pravovyh aktov [Prospects for improving methods of anti-corruption expertise of normative legal acts]. *Sovremennoe pravo*, n. 10, pp. 30–32.
11. Kochura, V.N. (2012). Antikorrupsionnaya ekspertiza: metodika provedeniya [Anti-corruption expertise: methods]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, n. 9, pp. 65–70.
12. Krasnov, M.A., Talapina, E.V. & Juzhakov, V.N. (2005). Korruptsiya I zakonodatel'stvo: analiz zakonodatel'stva na korruptsiogenost' [Corruption and Law: analysis of legislation for corruptogenicity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, n. 2, pp. 77–88.

13. Kudashkin, A.V. (2012). *Antikorrupsionnaya ekspertiza: teoriya i praktika: nauchno-prakticheskoe posobie* [Anti-corruption expertise: theory and practice: a scientific and practical manual]. Moscow: Norma, Infra-M.
14. Kudashkin, A.V. at all. (2010). *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii organami prokuratury proverok normativnykh pravovykh aktov organov gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya i organov mestnogo samoupravleniya na korruptsiogennost'* [Methodical recommendations on the organization of the prosecutor's investigation of normative legal acts of the state power bodies, municipalities and public administration to reveal corruptogenicity]. Moscow: Akademiya General'noi prokuratury Rossiyskoi Federatsii.
15. Fond «Indem». (1998). *Rossiya i korruptsiya: kto kogo? Analiticheskiy doklad Fonda «Indem»* [Russia and Corruption: who wins?]. Moscow: «INDEM».
16. Sandrachuk, M.V. (2006). *Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva: teoretiko-metodologicheskie aspekty antikorrupsionnoi ekspertizy normativno-pravovoi bazy I metodicheskoe obespechenie ee provedeniya. Problemy, analiz, resheniya* [The economic security of the state: theoretical and methodological aspects of anti-corruption expertise of the legal framework and methodological support for its implementation. Problems, analysis, solutions]. In: *Antikorrupsionnaya ekspertiza: mezhdunarodnyi opyt i mehanizmy ee provedeniya v Respublike Kazahstan. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 27 oktyabrya 2006 g.* Astana: TOO «Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan», pp. 31–54.
17. Talapina, E.V. & Yuzhakov, V.N. (2007). *Metodika pervichnogo analiza (ekspertizy) korruptsiogennosti normativnykh pravovykh aktov* [Primary analysis (expertise) methods of corruptogenicity of normative legal acts]. Ed.: Yuzhakov, V.N., Moscow: Statut.
18. Talapina, E.V. (2007). *Ob antikorrupsionnoi ekspertize* [On anti-corruption expertise]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, n. 5, pp. 52–66.
19. Tihomirov, Yu. (2004). *Preodolevat' korruptsiogennost' zakonodatel'stva* [Overcome corruptogenicity of legislation]. *Pravo i ekonomika*, n. 5, pp. 3–7.
20. Tihomirov, Yu.A., Habrieva, T.Ya. & Naidenko, V.N. (2010). *Pravovye akty: anti-korrupsionnyi analiz* [Legal acts: an anti-corruption analysis]. Moscow: Volters Kluver.
21. Tsirin, A.M. (2009). *Metodicheskaya baza otsenki normativnykh pravovykh aktov na korruptsiogennost'* [Methodological framework of the assessment of normative legal acts to detect corruptogenicity]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*, n. 10, pp. 22–29.
22. Tsirin, A.M. (2012). *Antikorrupsionnaya ekspertiza vedomstvennykh normativnykh pravovykh aktov i ih projektov* [Anti-corruption expertise of departmental legal acts and its draft regulations]. In: *Protivodeistvie korruptsii v federal'nykh organah ispolnitel'noi vlasti. Nauchno-prakticheskoe posobie*. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoi Federatsii; Izd-vo «Ankid».
23. Yuzhakov, V.N. (2008). *Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov: metodika, opyt i perspektivy* [Anti-corruption expertise of normative legal acts:

- methods, experience and perspectives]. *Voprosy gosudarstvennogo u munitsipalnogo upravleniya. Public Administration Issues*, n. 2, pp. 4–42.
24. Yuzhakov, V.N. (2009). Federal'nyi zakon «Ob antikorrupsionnoi ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov»: otsenka reguliruyushchego vozdeistviya [Federal law «On anti-corruption expertise of legal acts and draft regulations»: regulatory impact assessment]. *Voprosy gosudarstvennogo u munitsipalnogo upravleniya. Public Administration Issues*, n. 3, pp. 5–16.
  25. Yuzhakov, V.N. (2012). Sistemnost' provedeniya antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ih proektov [A system holding of anti-corruption expertise of legal acts and its draft regulations]. In: *Pravovye innovatsii v sfere protivodeistviya korrupsitsii: materialy Pervogo Evraziiskogo Antikorrupsionnogo Forumu i 7 Mezhdunarodnoi Shkoly-praktikuma molodyh uchenyh-yuristov*. Moskva 30–31 maya 2012 g. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoi Federatsii, pp. 115–117.
  26. Yuzhakov, V.N., Boshno, S.V., Efremov, A.A. & Tsirin, A.M. (2014). Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: stanovlenie, opyt, perspektivy [Anti-corruption expertise of legal acts and its draft regulations: formation, experience, prospects]. Ed.: Yuzhakov, V.N. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS.
  27. Yuzhakov, V.N., Tsirin, A.M. & Efremov, A.A. (2014). Metodika monitoring vnedreniya antikorrupsionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov v praktiku normotvorcheskoi deyatelnosti [Methods of monitoring the implementation of anti-corruption expertise of legal acts and its draft regulations in the practice of creating regulatory acts]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS.